

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Ежегодник
1976–1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

В.М. Бейлис

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
АРАБСКОГО ПОЭТА ал-ҒАЗЗИ
(441/1049-50 - 524/1129-30)

1. Общие замечания

Панегирические стихи арабских и персидских поэтов времен сельджукского господства нередко использовались историками в качестве источника сведений о событиях и материала для характеристик видных деятелей. Собственно, в самих повествовательных источниках XI-XIII вв. и в биографических словарях большие и малые поэтические цитаты встречаются как необходимый элемент изложения. Иногда цитируются собственные стихи того или иного лица либо панегирик в его честь – это считалось наиболее уместным в некрологической заметке. А в важнейшем памятнике мемуарно-повествовательной литературы сельджукского периода – сочинении 'Имād ад-Дйна ал-Исфакāнī "Нусрат ал-фатра ва 'усрат ал-фитра" ("Помощь в усталости и убежище создания")¹ нередко приводятся и сатирические стихи о везирах и вельможных сановниках. Этот материал, однако, лишь небольшая часть значительного по объему наследия поэтов XI-XII вв., содержащего сведения о деятелях и событиях этого времени. В исторических исследованиях последних десятилетий стихи поэтов-панегиристов сельджукского периода были основательно и систематично привлечены 'А.Иқбāлом в его известной работе о везирате Сельджукидов², в которой цитируются многочисленные фрагменты касид в честь сельджукских везиров: наряду с традиционным славословием здесь встречаются упоминания о действительных событиях, связанных с их деятельностью. Насколько важны отдельные свидетельства поэтов сельджукской поры, показывает тот факт, что для решения вопроса о том, действительной или мнимой была отставка знаменитого везира Низām ал-Мулка, Я.Рыпка в качестве основного материала подвергает анализу стихи современника событий поэта Нах-хāса³. Такое внимание к поэтическим произведениям со стороны историков не случайно. Поскольку основные повествовательные памятники, излагающие историю Сельджукидов, составлены в конце XII в.⁴, проверка и дополнение их сведений вызывают порою затруднения, а упоминания событий и другие сообщения в стихах поэтов конца XI – начала XII в. могут быть полезны для историка как сведения "из уст" современника. Поэтому наследие поэтов сельджукского периода несомненно заслуживает исследования с целью выявления данных, дополняющих известные нарративных источников и, что еще важнее, углубляющих наше знание общественной жизни этой эпохи.

Разумеется, поиски и интерпретация подобных материалов затруднены самими особенностями панегирической поэзии. В стихах поэтов-панегиристов упоминания о реальных событиях встречаются нередко в форме намеков: ведь поэт предполагает, что эти события хорошо известны, и гораздо важнее красочно представить достоинства и заслуги адресата панегирической касиды. Восхваление чаще всего не содержит конкретных сообщений о поступках государя или вельможи, а носит общий характер. И тем не менее необходимость

изучения стихов поэтов XI–XII вв. как исторического источника очевидна, и то обстоятельство, что некоторые поэтические тексты доступны в малоудовлетворительных изданиях⁵ или остаются в рукописях, не должно отвлекать исследователя.

Наше внимание к творчеству ал-Газзй – одного из виднейших арабских поэтов сельджукского времени⁶ – обусловлено прежде всего тем, что значительная часть его стихов написана в Хорасане и Мавераннахре и посвящена деятелям, игравшим важную роль в политической жизни этих стран в 10–20-е годы XII в. Не меньший интерес пробуждает то, что Дивāн поэта был составлен по просьбе везира Абӯ Джа'фара Мухаммада, носившего лакабы Карим ал-Мулк Рашйд ад-Да'улатайн и Тадж ал-Хадратайн⁷. Этот вельможа занимал видное положение в Арране⁸, и в Дивāне ал-Газзй сохранились стихи, посвященные ему и некоторым другим деятелям, в том числе ширваншаху⁹. С этой стороны стихи ал-Газзй могут заинтересовать исследователей средневековой арабской литературы Азербайджана.

II. Дивāн ал-Газзй как источник биографических сведений о поэте

Сведения о жизненном пути ал-Газзй, имеющиеся в сочинениях Ибн ал-Джаузий, Ибн 'Асāкира, 'Имāд ад-Дйна ал-Исфаханй, ас-Сам'анй, Ибн Халликаня и других авторов¹⁰, очень кратки и позволяют восстановить биографию поэта лишь в общих чертах¹¹. Абӯ Исхāк Ибрахйм ибн 'Усмāн ибн Мухаммад ал-Калбй ал-Ашхабй ал-Газзй родился в 441/1049 – 50 г.¹² в палестинском городе Газзе, где и провел годы детства. Учился он в Халебе и Дамаске, а затем в Багдаде, где уже в зрелом возрасте находился при знаменитой мадрасе ан-Низāмиййа. Позже ал-Газзй перебирается в Хорасан и живет в Мерве, нередко покидая его для путешествий: поэт бывал в Фарсе, Кермане, Восточном Хорасане, в Мавераннахре и других областях. К пребыванию поэта в Мерве относится сообщение о нем его младшего современника Абӯ Са'да 'Абд ал-Карйма ас-Сам'анй, рисующего облик ал-Газзй на склоне лет:

"Это был старец преклонных лет, достигший девяностолетнего возраста, и был он одним из превосходных [ученых] века, вошедшим в поговорку своим искусством стихосложения. И был он скуп в [распространении] своих стихов и не диктовал их, за исключением немногих. Он прибыл к нам в Мерв и жил постоянно в мадрасе ан-Низāмиййа, пока не случилось ему выехать из Мерва в Балх. И он [тогда] продал около десяти ратлей черновики своих стихов, писанных его рукой, некоему шапочнику, чтобы тот испортил их, [употребив для своих нужд]. Затем пришел один из моих друзей и набавил немного к цене, за которую тот приобрел [черновики], и тотчас же принес их ко мне. Я прочитал их и увидел, что это стихи, поражающие своей красотой и мастерством сочинения, и переписал из его стихов более пяти тысяч бейтов..."¹³

Умер ал-Газзй в пути, по дороге из Мерва в Балх, и был похоронен в Балхе. Часть своих стихов, по сообщению того же ас-Сам'анй, он продал какому-то йеменцу, и впоследствии эти рукописи сгорели в Балхе.

Из рассказов об ал-Газзй перед нами возникает образ странствующего поэта, не занимавшего официального положения сановника, подобно своим современникам – поэтам ат-Тутра'й и ал-Абйвардий, или кади, подобно ал-Арраджанй, и не прибегавшего к щедрости знатных покровителей. То, что ал-Газзй и в Багдаде и в Мерве жил при мадрасе ан-Низāмиййа, говорит о скромности его запросов и вместе с тем о его близости к кругам ученых богословов. Ибн 'Асāкир упоминает, что поэт восхвалял многих ученых, преподававших в мадрасе Багдада¹⁴, однако среди адресатов его касид мы встречаем лишь одного из них – известного шафи'итского факиха и мударриса

Абӯ-л-Ҳасана 'Алӣ ибн Муҳаммада ат-Ғабарӣ¹⁵ (ум. 504/1110), и стихи, сохранившиеся в Дивāне, мало говорят о богословских интересах ал-Ғаззӣ. Впрочем, систематического изучения Дивāна поэта с целью выявления фактов его биографии и данных о его взглядах до сих пор не предпринималось. Глава в книге 'А.Джавāда ат-Ғахира, посвященная поэту, основана на сообщениях биографических словарей, исторических сочинений, антологии "Ҳаридат ал-қаср" и является своего рода введением к такому изучению.

Дивāн ал-Ғаззӣ пока не нашел своего издателя¹⁶. Часть стихов поэта доступна читателю в извлечениях в обширном разделе сирийской части "Ҳаридат ал-қаср", посвященном ал-Ғаззӣ¹⁷. Многие стихи ал-Ғаззӣ, как известно, были опубликованы в бейрутском (1317 г.х.) издании Дивāна ал-Абӣвардӣ и приписаны последнему¹⁸. Дивāн ал-Ғаззӣ привлекался к изучению и по рукописям, главным образом по рукописи Национальной библиотеки¹⁹, фотоконпией которой пользуемся и мы для данной статьи.

Сравнивая фрагменты стихов ал-Ғаззӣ, приведенные в "Ҳаридат ал-қаср", с текстом Дивāна по упомянутой рукописи, можно убедиться, что стихотворные тексты обычно совпадают и количество разночтений (они отмечены в примечаниях издателем сирийской части "Ҳаридат ал-қаср" Шухрӣ Файсалом) сравнительно невелико. Можно предположить, что Дивāн ал-Ғаззӣ в том виде, в каком он зафиксирован Парижской рукописью, служил источником для знакомства с поэзией ал-Ғаззӣ для тех, кто писал о нем, хотя, как отмечалось выше, в Дивāне были собраны далеко не все стихи поэта. Кроме Дивāна, были известны лишь отдельные фрагменты, сохранившиеся в списках и, как свидетельствует 'Имād ад-Дин ал-Исфahāнӣ, в памяти знатоков литературы²⁰. Популярность стихов ал-Ғаззӣ в XII в. засвидетельствована, кроме хроник и биографических словарей, в сочинениях литераторов. Низāmӣ 'Арӯзӣ считал изучение Дивāна ал-Ғаззӣ (наряду с дивāнами ал-Мутанаббӣ и ал-Абӣвардӣ) обязательным для дабира²¹. Рашӣд ад-Дин Ватват включил образцы стихов ал-Ғаззӣ в качестве примеров в свой трактат о тропах и фигурах²². О том, что стихи ал-Ғаззӣ были особенно распространены в Хорасане, пишет Ибн 'Асāкир²³. Высокая оценка творчества поэта его современниками и представителями ближайшего поколения, не подлежит, таким образом, сомнению. Исследование художественных достоинств, особенностей языка и стиля ал-Ғаззӣ связано с разработкой общих проблем истории арабской литературы XI–XII вв.²⁴. Что касается настоящей работы, то она имеет в виду рассмотрение лишь тех материалов творчества поэта, которые могут быть полезны для историка.

Даже при первом знакомстве с составом Дивāна ал-Ғаззӣ невольно возникает предположение, что отбор касид и стихотворных отрывков для собрания стихов был не случайным. Большинство адресатов касид – видные деятели, хорошо известные из повествовательных источников, среди них султан Санджар, несколько его везиров, аббасидский халиф ал-Мустазхир и его везир, везиры сельджукских султанов Муҳаммада и Махмұда – Қавām ад-Дин Абӯ Наср Аҳмад ибн Низām ал-Мулк, Камāl ад-Дин ас-Сумайрамӣ, видные сановники ат-ҒуҒра' и, ал-Анбарӣ и др. Даже тогда, когда ал-Ғаззӣ "опускается" ниже уровня везиров, адресаты его касид оказываются видными деятелями, не раз упоминаемыми в других источниках, таковы, в частности, имам саййид ал-Ашраф из Самарканда, кади Исфahана Шамс ад-Дин 'Абд-аллах ал-Ҳаттӣбӣ и другие.

Анализ многих касид, сохранившихся в Дивāне ал-Ғаззӣ, дает возможность определить время и место их написания. Прежде всего выясняется, что в Дивāне нет стихов, которые были бы адресованы лицам, известным своей деятельностью на родине поэта – в аш-Шаме (под этим названием ал-Ғаззӣ и его современники объединяли Сирию и Палестину)²⁵. Стихи, адресованные халифу ал-Мустазхиру (лл. 165а₁₃ – 167а₂), его везиру Мажд ад-Дину Хибатуллаху Ибн ал-Мутталибу²⁶ (лл. 186₁₀ – 206₁₁, 4067 – 42а₁₄,

7263-14), кади Исфакана Шамс ад-Дину 'Абдаллаху ибн 'Али ал-Хатйбй (лл. 25а4 - 26б15) и некоторые другие, определенно сочинены в Багдаде, что выясняется из заглавия либо же из текста стихов. При ближайшем рассмотрении оказывается, что среди касид, написанных в Багдаде, нет ни одной, которая могла бы быть датирована временем после 516/1122-23 г., а большая часть стихов "багдадского периода", который с известным правом можно выделить в стихах ал-Газзй, относится к 501-505/1107 - 1112 гг.²⁷.

Несомненно, ал-Газзй не раз покидал "Город мира" для более или менее продолжительных выездов, но его стихи, написанные в Фарсе, Кермане, Азербайджане, не доставляют сведений о длительности и цели его поездок; лишь об Азербайджане и Арране можно сказать с большой долей уверенности, что ал-Газзй находился там сравнительно долго²⁸.

Не вполне ясно, в Багдаде ли или во время выездов поэта им были написаны многочисленные стихотворные послания к его другу и покровителю, первому в плеяде поэтов того времени - Абӯ Исма'йлу ал-Хусайну ибн 'Али ат-Тутра'й. Эти послания могли быть сочинены и в резиденции султана Исфакана и в Багдаде: ат-Тутра'й в качестве главы Дивана ат-тутры сопровождал султана Мухаммада в его поездках в Багдад. Общение двух видных поэтов сельджукского времени, разумеется, представляет интерес для изучения литературной среды периода, но в опубликованном тексте Дивана ат-Тутра'й его отношение к нашему автору не отразилось²⁹. Что касается ал-Газзй, то он прославляет своего покровителя и как ученого и в качестве влиятельного политического деятеля:

مَدْرُ الزَّيْمَانِ مُؤَيَّدُ الدِّينِ أَمْرًا
يَمْنَاهُ أَحْدَثُ النَّدَا أَحْدَاثًا
لَطْلُوهُ هَيْتَهُ تَأْخِرُ سَيِّئِهِ كَيَوَانِ
أَسْرَعَتْ النُّجُومُ وَرَأَا

Столп эпохи, опора веры³⁰, муж,
чья десница обновляет щедрость непрестанно.
Его высоким помыслом замедляет свой бег Кайван,
звезды ускоряют движение.

(л.52а₁₃₋₁₄)

Незадолго до смерти султана Мухаммада ибн Маликшаха (ум. 24 зүл-хиджжа 511/18 апреля 1118) ат-Тутра'й был обвинен в колдовстве и отстранен от должности. В начале 513/мае или июне 1119 г. ат-Тутра'й становится везиром сына покойного султана - малика Мас'уда, владевшего Мосулом и Азербайджаном³¹. Когда малолетний Мас'уд, руководимый своим атабеком Чавуш-беком, выступил против своего старшего брата султана Махмуда и был разбит в рабй I 514/июне 1120 г., ат-Тутра'й был казнен Махмудом по навету Камал ал-Мулка ас-Сумайрамй, везира султана³². В сохранившемся тексте Дивана ал-Газзй ат-Тутра'й упомянут в заглавии одной из касид как покойный (л. 28а5), но стихов, оплакивающих смерть покровителя, мы в Диване ал-Газзй не находим: все они написаны при жизни ат-Тутра'й. Что же касается виновника гибели ат-Тутра'й - везира Камал ал-Мулка ас-Сумайрамй, то ему ал-Газзй посвятил по меньшей мере одну панегирическую касиду (лл. 39б3 - 40б6), но в Диване отразилось и резкое изменение отношения ал-Газзй к этому сановнику: в одной из эпиграмм на ас-Сумайрамй поэт пишет, что время везира "обрушило на людей бич наказания" (л.133б₁₄), а в сатирической эпифамии ас-Сумайрамй не скрывает радости по поводу смерти везира³³:

كَمَا سَيِّئُ مَهْلَكُهُ مَفَاؤُهُ
فَكَمْ رَفَعَتْ عَلَى الْكَافِ الْجَنَازَهُ
كَمَالَ سُلَيْمٍ لِلْمَلِكِ زَعْمِي
لَيْنَ رَفَعَتْ مَحَلَّتَهُ اللَّهَالِي

«То», что совершенно для Сумайрама – для державы ущерб,
так же, как его гибель превосходит его успех.

Поистине, его положение возвысили ночи,
но как возвышенно оно на доске катафалка!

Подобную перемену мы наблюдаем и в стихах, посвященных последнему везиру султана Мухаммада и первому везиру его преемника Махмуда – Рабīb ад-Даула (или ад-Дīну) Низām ад-Дīну Абū Мансūру ал-Хусайну ибн Мухаммаду ал-Хамадāни (время его везирства – 511-516 / 1118-1122). В Дивāне ал-Газзī сохранился панегирик этому вельможе (адвсат в заглавии касиды не указан, он определен нами из текста по упоминанию отца везира³⁴, но в другом месте мы встречаемся со злой сатирой на Рабīb ад-Даула: ал-Газзī именует его врачом (игра слов: рабīb – “питомец”, табīb – “врач”), после услуг которого уже не нужно другого (л.64а₆). Этому же лицу посвящено еще одно сатирическое стихотворение (л.128б₈₋₁₆). Такой контраст – наличие панегирика и сатиры – встречается у нашего автора лишь в этом случае и связан, как нам представляется, с тем, что ал-Газзī в период между 514/1120-21 и 516/1122-23 гг. порывает связи с окружением султана Махмуда. Хотя о причинах антипатии к сановникам этого султана ал-Газзī не пишет, можно предполагать, что казнь его покровителя ат-Тугра'и могла повлечь за собой немилость и в отношении нашего автора: для поэта-панегириста, не занимавшего должности чиновника или кади, это означало лишение средств к жизни³⁵.

Объектом сатиры ал-Газзī был еще один сановник, занимавший видные посты в администрации дивāна халифов и сельджукских султанов, – Анūширвāн ибн Хāлид ал-Кāшāни (ум. 1138 или 1139), автор мемуаров, послуживших впоследствии главным источником для книги ‘Имād ад-Дīна ал-Исфāхāни “Нусрат ал-фатра...”. ‘Имād ад-Дīн, ссылаясь на Анūширвāна, не раз приводит в своем труде сатирические стихи, характеризующие везиров и других сановников первых десятилетий XII в. В свою очередь, эпиграмма, включенная в Дивāн ал-Газзī, может добавить любопытный штрих к облику самого Анūширвāна ибн Хāлида. Однако принадлежность ее нашему автору следует поставить под сомнение, поскольку в иракской части “Харидат ал-қаср” она приписана другому поэту – Джамāl ал-Мулку Абū-л-Қасиму ‘Али Ибн Афлаху (ум. 535/1140-41 или 533/1138-39)³⁶. Скорее всего приводимый ниже ее текст относится к числу “ходячих” эпиграмм, и то, что она приписывается различным авторам, говорит о ее популярности в устной передаче:

أَنْ اُنْشِرَوَان مَا فِيهِ سَوَى قِيَامٍ لِمَرْجِيهِ
الْجُودُ دَلُّ الْجُودِ فِي رِجْلِهِ وَأَنْ تَمْدَى فَالِي فِيهِ
فَجْدٌ لِرَاجِيكَ وَلَوْ بِرَهْمًا وَأَقْعُدْ عَلَى الْعَرْشِ مِنَ التَّيَمِّ

Поистине, нет в Ануширване ничего /особенного/,
кроме того, что он встает /навстречу/ прибегающему к нему.

Щедрость излилась обильно в его ногу
и если прошла дальше, то только до его уст.

Так расшедрись хоть на дирхам для того, кто просит тебя,
и восседай себе на троне надменности!

(л.130б₆₋₈)

Ал-Газзī не упоминает обстоятельство, при которых он покинул Багдад, но тем не менее уже во время пребывания в Хорасане – возможно, в угоду своим новым покровителям – считал нужным подчеркнуть свою антипатию к “Городу мира” и нравам его жителей:

بغداد كانت باهواء و بالهواى حسناً و قبحاً جنّةً و جحيماً
 دار يصبح بها المزاج لطافةً و تغادر الراى الصحيح سقيماً
 لا ترتجى ردّ السلام بها بلا ثمانٍ و لا يعلّ الحميم جسيماً
 ماذا اوّمل من اكابر دولك لا يؤثرون سوى الكبر حبيماً
 اما كبار العمر لست الوهم الدهر قدّمهم و كان مليماً

Багдад по [его] страстям и погоде, по красоте и безобразию -
[одновременно] и рай и ад.

Это город, где насмешка оказывается любезностью,
а от здравой мысли отступаются ради ложной.

Там не жди ответа на приветствие без платы [за это],
и не доходит [там] влага ливня до травы.

Чего же ждать от вельмож державы?

Они не признают иных помыслов, кроме чванства.

Что касается великих людей века, то я не чернил их позором:
ведь век настал раньше, чем они [явились], и был

[сам по себе] позорен.

(л.72a₁₁₋₁₅)

И другие упоминания о Багдаде ал-Газзӣ сопровождает жалобами на скверные нравы в этом городе, засилье "еретиков" (т.е. шиитов - см. л.78a₂), высокомерие вельмож. Это неприязненное отношение к Багдаду иногда распространяется на весь Ирак, т.е. на владения иракских Сельджукидов:

عرقّ الجبل بالعراق عظاماً لعلم و استولت الخطوب العظام
 حُسبها وصمة قدّم قم ما لطيف انتهى بهم المام
 كيف لا اشكر المطى اللواتى طلبُ الجدرِ سوطها و الزمام
 انزلتنا بساحة ابن عبيدالله حيث النوال و الاكرام

Невежество обглодало кости учености в Ираке,
и завладели им большие беды.

Сообразно этому [на нем] метка - главенство людей,
которым чужда тонкость ума.

Как же мне не благодарить тех коней,
которым служит бичом и поводьями желание славы.

Они доставили меня на подворье Ибн 'Убайдаллāха,
где [Господствуют] милость и благоволение.

(л.107b₁₃₋₁₆)

Эти стихи посвящены везиру султана Санджара - Шихāб ал-Ислāму Шамс ад-Дīну 'Абд ар-Раззāку ибн 'Абдаллāху³⁷ ибн 'Алй, племяннику знаменитого Низām ал-Мулка³⁸. О том, что ал-Газзӣ прибыл ко двору Санджара во время везирата Шихāб ал-Ислāма (511/1118 - муҳаррам 515/март-апрель 1121), свидетельствуют и другие стихи, в которых, впрочем, отразилось разочарование поэта в его новом покровителе:

يقول لى الشهاب وقد رانى قعدت اليه من بلد بعيد
 لقد جبت الفلاة وانت شيخ ولم تحفل على غرض مفيد

فقلتُ اذا اراد الله امرًا تورط فيه ذوالوای مدید
ولم اجهل سقوطك غیرانی جهلت قصور فہملت عن عقودی

Говорит мне Шихаб, увидев, что я
явился к нему из далекой страны:
"Ты пересек пустыню, хотя ты стар,
и все же не добился желанной цели".
Тогда я сказал: "Если Аллах пожелает, то в [трудном] деле
погрязнет и обладатель глубокой мудрости.
Я не был в неведении относительно того, что ты пал [низко],
но не знал, что ты так мало согласишься в обязательствах
[по отношению] ко мне!"
(л. 130б¹³⁻¹⁶)

Все последующие везиры султана Санджара, занимавшие этот пост при жизни ал-Газзй, упомянуты в Диване поэта. Преемнику Шихаб ал-Ислама везиру Шараф ад-Дйну Абӯ Тāхиру Са'ду ибн 'Алй ал-Кумй³⁹ посвящена касыда на лл. 76а¹⁵ - 77а⁴⁰, следующему везиру, Низām ад-Дйну Мухаммаду ибн Сулаймāну ал-Кашгарй Йабгӯ-беку, - эпиграмма на л. 130а⁴¹.

А их преемникам, занимавшим пост везира в течение более длительного времени, ал-Газзй посвятил целые серии панегириков.

Первый из них - Му'йн ад-Дйн Насйр ад-Даула Мухтасс ал-Мулк Абӯ Наср Ахмад ибн Фадл был везиром Санджара с 518/1124-25 по 521/1127г., а до этого занимал должности главы дивāна ал-иншā, а затем дивāна ал-истифā в администрации султана Мухаммада ибн Маликшāха. Из упоминаний о Мухтасс ал-Мулке, встречающихся в "Нусрат ал-фатра" 'Имād ад-Дйна ал-Исфахāнй, известно, что этот вельможа, не владея мастерством кāтиба⁴², пользовался авторитетом при дворе благодаря умению вести дела и отличался щедростью и вниманием к просителям. Он был отстранен от должности главы дивāна ал-истифā в последние месяцы жизни султана Мухаммада, так же как и ат-Тугрā'й, по проискам соперников и вынужден был оставить владения султана⁴³. Спустя несколько лет он был назначен мустауфи при дворе Санджара, а затем стал везиром. Погиб Мухтасс ал-Мулк от руки исмаилита, подосланного, по словам 'Имād ад-Дйна ал-Исфахāнй, везиром султана Махмӯда ад-Дарказй⁴⁴.

Ал-Газзй посвятил Мухтасс ал-Мулку восемь касид и стихотворных отрывков (лл. 48а6- 49а6, 49а7-17, 67б8-14, 67б15-69б1⁴⁵, 72б15-74б3, 124б3 - 125б15, 140а8- 140б11, 151а13-152б10⁴⁶), но только в трех из них он определенно назван везиром (лл. 69а9, 74а15, 124б3). Кроме ал-Газзй панегирики в честь Мухтасс ал-Мулка создали ал-Арраджāнй и официальный придворный поэт, "эмир поэтов" - Му'иззй⁴⁶. К сожалению, материал источников почти не дает сведений о политике везира и о масштабах его влияния на дипломатию и военные предприятия Санджара. Ал-Газзй приписывает Мухтасс ал-Мулку особую роль в повышении авторитета державы Санджара:

جلتُ الصفر من ذا الملك نبوا و قُمتُ له مقام الكبياء

Ты медь этого царства превратил в золотую руду
и заменил для него философский камень.
(л. 49а¹⁶)

Но основным мотивом стихов, посвященных Мухтассу, остается восхваление его щедрости и благородства:

وزير فاق في كبر و حلم فآمله الموالي و المُعادي

Везир, превзошедший /всех/ в благородстве и кротости,
на него возлагают надежды и друзья и враги.
(л.686₈)

كما ابن الفضل اهل الفضل ظلا به استغنى الفقير على السوالي

Ибн ал-Фадл укрыл достойных своей сенью,
у него бедняк обходится без просьб.
(л.486₆)

Сложность и изменчивость политической обстановки, борьба за власть и влияние в среде сельджукской знати также нашли отражение в панегириках Мухтасс ал-Мулку. Эта борьба несет зло и гибель независимо от целей ее участников:

وكان الحسن مثل الملك يدعوا الى قتل الاحبة والاعادي
تزاحمت النفوس على بقاء فانما البقاء الى النفاذ
وكل رام اصلاحا بعيد فصار اليه في سبل الفساد

И было добро подобно ангелам,
призывавшим к уничтожению и друзей и врагов.
Души теснили друг друга в вечности,
а вечность вела их к уничтожению.
Каждый, желавший улучшения, был далек /от него/
и стремился к нему по путям порока.

(л.68a₁₂₋₁₄)

В Дивāне поэта сохранилось десять касид, посвященных преемнику Мухтасс ал-Мулка – везиру Насир ад-Дину Махмуду ибн Музаффару Ибн Абй Таубе ал-Марвази (время его везирства – 521/1127 – 526/1131-32)⁴⁷. Ибн Абй Тауба, по словам Имād ад-Дина ал-Исфакāни, был популярен в среде катибов и факихов и снискал славу "лучшего везира среди ученых и учнейшего среди везиров"⁴⁸. Ал-Газзи адресует ему стихи с поздравлением при его вступлении в должность (л.986₉₋₁₂), поздравляет его с известием о даровании везиру почетных одежд от имени халифа ал-Мустаршида (л.100a₁₂₋₁₃). В стихах, посвященных Ибн Абй Таубе, на первый план выступает связь везира с правительством халифа:

قطب الخلافة لا تعدمك انجمها و الشهب لو لالبت القطب لم تذّر

/Ты/ – полюс халифата, и его звезды не покидают тебя:
а ведь светила не вращались бы, если бы не постоянство полюса.

(л.996₁₇)

По всей вероятности, это восхваление связано с той ролью, которую сыграл Ибн Абй Тауба в восстановлении отношений султана Санджара с халифом ал-Мустаршидом в 522/1128 г. Под этим годом Ибн ал-Джаузй отмечает прибытие в Багдад посла султана Санджара, но не называет его имени, и обстоятельства примирения Санджара с халифом в это время остаются неясными⁴⁹. При всей их краткости упоминания о роли Ибн Абй Таубы у ал-Газзи говорят о влиянии этого лица на отношения Санджара с ал-Мустар-

шидом. Ибн Абй Тауба при этом выступает как "устроитель" дел правительства халифа:

قَطِبُ الْخِلَافَةِ أَنَّ الظَّالِمَ مُنْذَرٌ وَالْعَدْلُ مَنْ كَانَ لِلْإِصْلَاحِ مُنْتَصِبًا

Полюс халифата, поистине притеснение порочно,
а везир – это тот, кто назначен для исправления [дел].
(л.956₁₁)

Восхваление щедрости в стихах, посвященных Ибн Абй Таубе, занимает меньше места; чем в панегириках Мухтасс ал-Мулку, на первый план здесь выступает прославление мудрости везира (лл.1016₆, 996₇ и др.), его слога и красноречия (л.95а₇₋₈), не раз упоминается и султан Санджар, оставивший свой выбор на вельможе, достойном поста везира (лл.956₈, 1356₈₋₁₀, 133а₁₆ и др.).

Если судить по сохранившимся стихам, в последние шесть-семь лет своей жизни поэт был ближе, чем ранее, к придворному окружению, и в этом, как видно, сыграли немалую роль качества обоих упомянутых везиров Санджара – Мухтасс ал-Мулка и Ибн Абй Таубы. Этот период творчества ал-Газзи можно с известным правом назвать мервским, как по месту пребывания старого поэта, так и по содержанию большей части стихов. В этот период мы не встречаемся с эпиграммами и сатирическими стихами, подобными тем, которые поэт посвятил Рабиб ад-Дауле, ас-Сумайрамй и др. Кроме стихов, адресованных везирам, ал-Газзи пишет касиды, восхваляющие лиц, не входивших в окружение султана. Упоминания о путешествиях ал-Газзи в различные города Хорасана и Мавераннахра позволяют предполагать, что эти стихи были сочинены при выездах из Мерва в Самарканд, Герат, Термез и другие центры, причем ал-Газзи здесь, как и в других случаях, восхвалял лишь наиболее влиятельных лиц. Далее мы рассмотрим некоторые фрагменты касид поэта, представляющие, на наш взгляд, интерес для характеристики положения в Мавераннахре и Хорасане и для оценки взглядов самого поэта.

III. Две касиды ал-Газзи в честь султана Санджара

Свидетельства источников о долгом и богатом событиями правлении сельджукского султана Санджара достаточно многочисленны и разнообразны: кроме рассказов о различных эпизодах его царствования, сохранившихся в повествовательных памятниках (и в хрониках и в литературных произведениях), образцов переписки, вышедших из его канцелярии, в распоряжении исследователя имеется около четырех десятков панегирических касид Му'иззй (Мухаммада ибн 'Абд ал-Малика Нишāпурй, род. ок. 1048 – ум. не позднее 1127), посвященных Санджару⁵⁰. Среди касид Му'иззй есть стихи, посвященные военным успехам султана⁵¹, встречаются упоминания, важные для характеристики нравов и придворного этикета. При таком обилии материала, в том числе и поэтического, стихи ал-Газзи, так же как и произведения его младшего современника – известного арабского поэта Хайса Байса (эмира Шихāб ад-Дйна Абū-л-Фавāриса Са'да ибн Мухаммада /Ибн/ ас-Сайфй ат-Тамйй – ум. 574/1179), посвящавшего панегирики Санджару и некоторым его придворным⁵², не могут, кажется, прибавить что-либо существенное к нашим знаниям о правлении этого государя. Однако, как мы увидим ниже, ал-Газзи, прославляя султана, напоминал ему (а скорее его окружению) не только о его могуществе и былых победах, но и о тех надеждах, которые поэт возлагал на него.

Первая из интересующих нас касид была, вероятно, сочинена вскоре

после переселения поэта в столицу султаната: за традиционным вступлением следует напоминание о том, что автор явился ко двору султана:

و لما وصلتُ على همتي الى حيث النقط الانجما
نبذتُ الملوك وراء المنى و يمت سلطانها الاعظما

Когда я благодаря своему старанию достиг [места],
где собраны звезды,

Я оставил князей позади своих желаний
и решился предстать перед величайшим султаном.

(л.976¹¹⁻¹²)

Далее следует прославление могущества султана:

ابا الحرث اللود عي الذي مضى عزمه قبل ان يعزما
حامي الشرق والغرب فاستصرفت له السند والهند فيما حامي
تبسم اسفاه و السيوف تبسمها ان تبكي دما
و يمدحه باللسان الذي ابشره . . . 53.
هو البحر لا يأس من دره و لا امن من موجه ان طما
هو الشمس في الارض تأثيره وان كان منزلها في السما

Абу-л-Харисом⁵⁴, прибежищем слабого, того, от которого
ушла решимость, прежде чем он решился.

[Султаном], защитившим Восток и Запад, и среди того, что
он защитил, он счел незначительными [страны] Синд и Хинд.
Улыбаются его отряды, а мечи – их улыбка в том, чтобы
заставлять плакать кровью.

И восхваляет его языком тех ...

Он – море: нет отчаяния для [ищущего] жемчуг в нем,
и нет спасения от его волн, когда оно выходит из берегов.

Он – солнце: его воздействие обращено на землю,
хотя его место на небе.

(лл.976¹³– 98a₃)

Прославление султана сменяется риторическими вопросами, при этом во втором из цитируемых ниже бейтов вопрос панегириста обретает форму претензии к прославляемому государю:

الست الذي فتح الخافقين ولست من الجبل مستفهما
لاية حال تركت العام لا ذات بعلي و لا ايمما

Разве ты не тот, кто завоевал Запад и Восток?

И я не таков, чтобы из-за невежества осведомляться [об этом].

Из-за какого обстоятельства ты оставил [страну] аш-Шām

ни мужней женой, ни вдовой?

(л.98a₇₋₈)

Поэт не напоминает адресату касиды, что речь идет об его родине. Продолжая восхваление султана, он сопоставляет его с пророком Мухаммадом:

لأن كنت في الأصل منوالنبي ومن فاق أخمسه الانجما
فذلك من عزة الله ان يمرى في الورى عوضاً منكما

Если ты по происхождению был подобен пророку –
а кто стоит выше, чем-его ступня, над звездами? –
То это – от могущества Аллаха, сотворившего
замену одному из вас среди людей.

(л.98a₉₋₁₀)

Далее следует прямой призыв к походу в далекую страну аш-Шām:

فسين السنأ و نون النوال والجيم الجمال و دآ الرما
تعلل بالبعد فاقرب ترد اذا قرب الوردزاد الظما
ويملكها مترك لو راى حُماك في نومي أسلما
بلاد سليمان فاركب لها من الريح من جازان يُلجما
كانى ارى جوما لابساً و سيفك من جفنه محوما
وانت من النقع في خيمة ترى الطير من تحتها حوما

[Санджар⁵⁵] – буква сйн в [слове] ас-санā (“величие”), нун в [слове] ан-навāl (“достижение цели”),
Джйм в [слове] ал-джамāl (“красота”) и rā’ в [слове] ар-рамā’
 (“верховенство”)⁵⁶.

Ты успокоен в отдалении, так приблизься, явившись [туда]:
когда источник становится ближе, усиливается жажда.

Ею владеет многобожник: если бы он увидел
во сне твой меч, он обратился бы в ислам!

Это – страна Сулаймāна. Садится в седло ее тот,
кто силой сумеет взнуздать ее.

Я словно [наяву] вижу ее небо, покрытое [тучами],
и твой меч, [высвобожденный] из его ножен [для]
священного [дела]⁵⁷,

А ты в шатре за пылью (сражения?) видишь
птиц, кружащихся под ним.

(л.98a₁₁₋₁₆)

В приведенных стихах, вне сомнений, высказана основная мысль касиды: об этом говорит наглядность и подробность описанной ал-Газзй картины будущего похода Санджара. Поэт бросает государю риторический упрек в том, что он оставил без помощи “страну Сулаймāна”⁵⁸ – аш-Шām и призывает его к отвоеванию владений, захваченных “многобожником”, т.е. государем крестоносцев. Подобная мысль, выраженная в столь недвусмысленной форме, на первый взгляд, не кажется странной или неожиданной: ведь к султану обращается выходец (а возможно, и изгнанник) из земель, захваченных врагами мусульман. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что для самого ал-Газзй мысль о походе с целью борьбы с крестоносцами отнюдь не характерна: жалобы поэта на свою судьбу странника нигде, насколько можно судить по дошедшим до нас его стихам, не сочетаются с упоминаниями о завоевании его родины “многобожниками”. С другой стороны, повествовательные источники не сообщают о планах похода Санджара в Сирию или Палестину. Как известно, роль предшественника Санджара на пре-

столе верховного султана династии – Мухаммада ибн Маликшаха в организации походов против франков представлялась его современникам явно недостаточной⁵⁹, хотя Мухаммад был заинтересован в укреплении позиций Сельджукидов в Сирии и, по всей вероятности, замыслил создать там подчиненное владение для своего второго сына – малолетнего Мас'уда⁶⁰. Что касается Санджара, то до смерти своего старшего брата он вряд ли мог проявлять интерес к завоевательным действиям на западе сельджукских владений, хотя, по-видимому, поощрял участие в них отдельных отрядов из подвластных ему областей: в 505–507/1111 – 1114 гг. хорасанские войска участвовали в совместном походе против крестоносцев⁶¹.

Ко времени появления при дворе Санджара ал-Газзи, который был в молодости свидетелем наибольших внешнеполитических успехов Сельджукидов – завоеваний Алп-Арслана и Маликшаха, а затем междоусобной борьбы при преемниках последнего, мог возлагать определенные надежды на военное и политическое могущество Санджара. Поскольку касида обращена к "величайшему султану", т.е. сюзерену всех сельджукских владык, ясно, что она написана после 513/1119–20 г. – даты похода Санджара в ал-Джибал и Персидский Ирак для действий против его племянника султана Махмуда ибн Мухаммада⁶². Хотя силы Санджара были внушительны и он одержал победу над Махмудом, поход не был продолжен. Верховный султан⁶³ отказался от дальнейших военных действий, так как силы его уменьшились, а количество войск его племянника, несмотря на поражение, возросло⁶⁴. Эмиры, подчиненные Махмуду, опасались присутствия войск Санджара в Персидском Ираке и не соглашались на мир, требуя ухода армии верховного султана в Хорасан⁶⁵. Ясно, что в такой обстановке Санджар и его советники вряд ли могли строить планы дальнейших походов на запад⁶⁶. Призыв ал-Газзи к отвоеванию "страны Сулаймана" и нарисованная им картина будущих побед не претили окружению султана, а возможно, отражали планы и надежды какой-то политической группировки при дворе султана. Но подобные планы мало соответствовали реальным политическим условиям, и это было связано не со слабостью военных сил Восточного султаната, а с общей обстановкой во владениях Сельджукидов.

В окончании касиды отразились взгляды ал-Газзи на миссию султана:

اطال لك الله ذيل البقاء ولا زلت للدهر مستخدما
ولا زلت تبسم ما ينقض الزمان و تنقض ما ابرما
ولا زال عدك ظلا يمد على ما اضاء وما اظلما
ممر الشريعة دم سالما فمر الشريعة ان تسلا

Да продлит тебе Аллах остаток /твоих дней/
и да пребудешь ты на службе у века.

Да не прекратишь ты свивать то, что распускает время,
и распускать то, что было свито /ранее/.

Да пребудет твоя справедливость сенью, простирающейся
на то, что испускает свет, и на то, что находится в
темноте.

Укрепляющий шари'ат, будь /вечно/ благополучен⁶⁷,
ибо могущество шари'ата в том, чтобы ты был сохранен.

• (л.986₅₋₈)

В предпоследней строке отрывка можно видеть своеобразное осмысление обозначения "тень Аллаха", которое, по некоторым данным, уже в домонгольский период прилагалось к султанам⁶⁸. А в последней строке ал-Газзи по-

своему осмысливает и самый лакаб султана: слова Му'изз ад-Дин ("Подкрепляющий веру") заменены на Му'изз аш-Шари'а ("Подкрепляющий шари'ат"). С подобным провозглашением роли султана как оплота мусульманской законности мы встречаемся и в другом месте Дивана ал-Газзй:

دعاء الحلّ للسلطان فرض لأنّ الشرع ماء وهو نون

Просьба народа – заповедь для султана,
ибо закон – воды, а он – кит⁶⁹.

(л.216₁₃)

Таким образом, идеальным представляется положение, при котором султан действовал бы только в рамках шари'ата. Однако для заключения о том, какое влияние на поэта оказывали политические и религиозные мыслители его времени, у нас слишком мало материала. Скорее всего, стихи, подобные приведенным выше, были ходячим, популярным выражением идей, усвоенных ал-Газзй от богословов, преподававших в мадрасе ан-Низамиййа Багдада и других городов⁷⁰.

И во второй касиде, посвященной Санджару, султан прославляется прежде всего как оплот религиозной ортодоксии и страж справедливости:

و زال فاخفاء النهار الموافق	جلا الكوكب الليلي الحالف لونه
خليلى أن النافع الصمت ناطق	خليلى أن الطائع النطق مامت
بخدمة سلطان السلاطين لاحق	قفايى آمال الملوك فاننى
صفات اميرالمومنين الصوادق	معز الدنيا والدين من برهنت به
. . . الجبل الشوهى ⁷¹	بسنجر تهتز المنابر هيبة
على قدر ما يرجى تخاف البوارق	حصى الذين ... بصوله منعم
حواد ما نالته منك المشارق	ملاذ الورى ان المغارب اصبحت

Показалась ночная звезда, соперничающая с цветом [ночи],
и зашла: ее скрыл день, такого же цвета, как она.

О друг мой, поистине, утративший дар речи безмолвен!

О друг мой, поистине, тот кто прибегает к молчанию,
красноречив!

За мною следуют надежды князей, ибо я, поистине,
прибываю на службу султана султанов,
Укрепляющего сей мир и веру, того, кто является доказательством
истинности атрибутов эмира верующих.

Перед Санджаром сотрясаются минбары в почтительном страхе(?)
. . . и высокие горы.

Он защищает тех, кто [прибегает(?)] к его моши,
и по мере того, как он пожелает, грозят сверкающие молнии.

[Он] – прибежище рода человеческого. Поистине, Запад стал
завидовать тому, что обрел от тебя Восток.

(лл.123а₁₄-123б₃)

Судя по перефразированному упоминанию лакаба Санджара – Бурхан амйр ал-му' минйн – "Аргумент эмира верующих", касида написана в период, когда между Санджаром и правительством халифа существовали нормальные взаимоотношения⁷². А в ссылке на то что "Запад" сельджукских владений завидует "Востоку", можно усмотреть прямой намек на слабость власти султана Махмуда и частые смуты, связанные с враждой между султаном и халифом⁷³.

Несколько ниже ал-Газзй вкратце перечисляет наиболее славные в его представлении деяния Санджара:

إذا احتياج في الهجاء الى الفيلق احتسى بك السيف واحتاجت اليك المالح
بجذك يوم البوحيان تمزقت كراديس بغى بعدما ضاق المارق
وبوران لما جاء ممصباها هدرخان غابته العدا والاصداق
تسلمتها في لمحاة وهبتها لخاقان فالتفت عليه الحداثق
وغزنة اعز الملوك مرائها وكم اطرقت عنها الحبوب الطوارق
سمحت بها عن سلوه يوم فتحها . . . 75 والناس شاك و وامق
ولما تهمت العراق بحجفل به عرقت عظم العراق الموارق
نلطفت في حير العواطف كسرها وقد خافت الشعراء و شاب الغرائق

Если в сражении есть нужда в армии, тебя защищает
[Один лишь] меч, и к тебе прибегает тот, кто
дружествен.

Твоим усердием в день ал-Бурхāн⁷⁶ были разорваны в клочья
отряды тиранства, после того как был утеснен отступник,
А Баурāн⁷⁷, когда [туда] в поисках убежища пришел Хадар-хāн⁷⁸,
его обманули и друзья и враги.

Ты получил ее⁷⁹ в один миг и подарил ее хакану,
и для него (?) обильно поросли сады.

А Газна, [один лишь] вид которой возвеличивал владык!
Сколько явилось от нее бедствий и несчастий!

Ты щедро даровал ей утешение в день, когда завоевал ее,
. . . ее и людям, жалующемуся и влюбленному.

Когда ты направился в Ирак с войском, зубы которого
глодали оголенные кости,

Ты обошелся с нежным садом ласково, [отвратив] его
разорение, а ведь/приглушили голос поэты и поседели юноши
[от боязни].

(л.1236₁₀₋₁₇)

Два первых бейта приведенного фрагмента упоминают о победе Санджара над неизвестным нам "отступником" (возможно, возвратившимся к идолопоклонству либо же, если принять во внимание одно из значений слова ал-Бурхāн, связанным с буддистами). Можно предполагать, что речь идет о ком-то из караханидских правителей, которых часто обвиняли в отступничестве от ислама, может быть, об эмире Сагун-беке, отождествляемом с представителем одной из линий караханидской династии ал-Хасаном ибн 'Али. Ал-Хасан ибн 'Али был разбит при Нахшабе в 503/1109 г.⁸⁰, но в касиде говорится о двух последовательных победах, для отождествления которых у нас нет данных.

И для второй упомянутой ал-Газзй победы над Хадар-хāном не находится прямых подтверждений в письменных источниках. Относительно личности хакана сомнений нет: это- Мухаммад (II) ибн Сулаймāн, носивший титул Арслан-хана (495/1102 - 524/1130)⁸¹. Что касается Хадар-хāна, то из ближайших современников титул Қадыр-хāна носил Тоғрыл ибн Йинал, владевший в течение некоторого времени Бухарой⁸². Здесь он действительно был "пришельцем", так как принадлежал к потомству Боғра-хāна и первоначально правил в Таласе. Его попытка завладеть Мавераннахром или его частью в 1102 г. завершилась поражением 22 июня того же года⁸³. Однако Баурāн

(или Бұрән), упоминаемый ал-Газзй, нигде не назван в качестве его опорного пункта, и ситуация, описанная в стихах, неизвестна из других источников, и в итоге это отождествление остается лишь догадкой⁸⁴. Слова "обильно росли сады", вероятно, относятся к известной строительной деятельности хакана Мухаммада ибн Сулаймāна⁸⁵.

Дальнейшие события, упомянутые поэтом, хорошо известны. Взятие Газны, ее разорение, ограбление казны Газневидов, наконец, превращение правителя Газны в полного вассала, обязанного ежегодной данью в 250 тыс. динаров⁸⁶, разумеется, мало напоминают "утешение", о котором пишет ал-Газзй в панегирике султану. Возможно, поэт имеет в виду приказ Санджара о восстановлении Газны после разрушения⁸⁷.

О походе войск Санджара в Ирак в 513/1119-20 г. говорилось выше. Отметим, что опасения, о которых пишет ал-Газзй, были связаны с самым составом армии султана: Ибн ал-Джаузй сообщает, что в войсках Санджара, кроме отрядов пяти маликов, "были тысячи батинитов и тысячи неверных тюрок"⁸⁸.

Далее Санджар прославляется как покровитель своих племянников и сюзерен всех владетельных лиц Сельджукской державы:

اخوك بنوه اليم والعم والد بنوك سوا طفلهم و المراهق
 هناك اعاد الملك فيهم و كل من رضى به عبده به الملك لابق
 اتى الملك مسعود فاصبح كاسه ولم يحق ماء العز عنه الفلانى
 وكم فى اجتماع النمل لله من رضى اذا اخفقت منه القلوب الخوافى

Дети твоего брата - ныне дядя [по отцу] им отец,

они равны твоим детям - и младенцы и юноши.

Твое благоволение возвращает им владычество, и каждый, кто угоден тебе, - слуга, имеющий подобающее княжество.

Явился малик Мас'уд и оказался подобным своему имени⁸⁹.

Ведь воды могущества не зарастают водорослями.

И сколько удовлетворения для бога в собирании воедино [рассеянного], если от этого [радостно] быются сердца повсюду.

Разумеется, панегирист представлял деяния султана так, как это было угодно его придворному окружению, точнее, той его части, которой были понятны стихи на арабском языке. Характерно, что основным мотивом прославления является стремление поэта воздать хвалу справедливости и милости к подданным. Именно эти достоинства поэт считает главными для правителя. Санджар предстает перед теми, к кому обращается поэт, в роли верховного арбитра в спорах, покровителя обиженных:

عزلت ملوك الارض ثم نصبتهم فلم يبق مظلوم ولم يبق مارق
 فصاروا عبيدا بالشجاعه و الندى فمن خان منهم بعدها فهو آبق
 وما نلت هذا كله بيل فلتة ولكن بنفس هذبة الحقائق
 وعدل يساوى الحلق فيه فضهم كما ضمت الخصر الدقيق المناطق

Ты отставил князей земли, а затем [снова] назначил их,

и не осталось ни обиженного, ни отступившегося.

Они стали слугами благодаря отваге и щедрости,

а кто предаст после этого из них - тот отвержен.

Все это ты приобрел не по воле случая,

а благодаря качествам души, воспитанной правдивостью.

И благодаря умеренности, уравнивающей [природный] нрав:
он охватил все [упомянутое] как пояс, охватывающий
тонкий стан.
(л.124a₈₋₁₁)

Итак, справедливость, милость к побежденным, защита ортодоксального ислама, следование шари'ату – такими качествами наделял панегирист восхваляемого государя, в котором он хотел бы видеть не только номинального сюзерена, но и обладателя реальной верховной власти на всей территории владений Сельджукидов. С подобной, явно преувеличенной оценкой могущества Санджара мы встречаемся и в стихах других панегиристов этого султана, в частности, у упомянутого выше арабского поэта жителя Багдада Хайса Байса:

Каждый владыка, как бы ни была высока его степень,
для Санджара и достоинств Санджара – слуга!⁹⁰

Ал-Газзй настойчиво противопоставляет восток сельджукских владений, подчиненный Санджару, западу, т.е. Иракскому султанату, хотя нигде не пишет прямо о слабости последнего. Особенно примечательна мысль поэта о походе Санджара на запад с целью установления контроля над Сирией и возвращении владений, захваченных крестоносцами. По всей вероятности, в стихах нашего автора отражены надежды, возлагавшиеся на Санджара какой-то частью чиновников, факихов, возможно, и представителей военной знати – это были круги, проявлявшие недовольство частыми междоусобными конфликтами в Ираке и заинтересованные в укреплении центральной власти и стабилизации политического положения во владениях Сельджукидов.

1У. Стихи, адресованные деятелям Мавераннахра 10-20-х годов XII в.

Роль высших представителей мусульманских богословских кругов в политической жизни Мавераннахра XI-XII вв. известна нам, главным образом, из сведений повествовательных источников об отношениях духовных лиц с караханидскими правителями. Не подлежит сомнению, что конфликты духовенства с Караханидами, впрочем, в такой же мере, как и связи караханида Ибрахима Тамгач-хана и некоторых других представителей династии с духовными лицами, являются показателем влияния и могущества этой прослойки господствующего класса в Мавераннахре XI-XII вв. И в столкновениях и в союзных отношениях ханов и богословов на первый план выступают крупные духовные деятели, представлявшие ортодоксальный ислам и считавшие себя его блюстителями. В конце XI – начале XII в. подобные лица не раз возглавляли оппозицию караханидским правителям Самарканда и действовали при этом как союзники сельджукских султанов⁹¹. К этому времени относится возвышение династии бухарских садров, известной под названием Ал-и Бурхан⁹². Вопрос о том, на какие социальные группы опирались садры (а также другие видные духовные лица, выступавшие в качестве глав богословских кругов), сложен, но наши источники свидетельствуют, что основой могущества этих лиц, кроме их богословского авторитета, были их большие богатства, позволявшие им содержать множество слуг и ставившие в зависимость от них факихов, мусульманских ученых – словом всех, кто по своему положению мог получать какую-то долю дохода с вакфов.

В панегирических касидах ал-Газзй, адресованных видным духовным лицам, прославляются их богатство, влияние и щедрость. Большая часть подобных панегириков посвящена духовным деятелям, проживавшим в городах Мавераннахра и Хорасана: особенно заметную группу составляют касиды в честь имама ал-Ашрафа из Самарканда⁹³. Это лицо известно нам из повест-

вовательных источников, главным образом, по его роли в выступлениях населения Самарканда против соправителя караханида Мухаммада ибн Сулаймана (Арслан-хана) – его сына Насра и, вероятно, против самого Арслан-хана⁹⁴ Имам ал-Ашраф был схвачен и казнен после подавления этого выступления другим сыном Арслан-хана – Ахмад-ханом. В заглавии одной из касид, посвященных имаму ал-Ашрафу, адресат именуется шахидом – “мучеником за веру”⁹⁵.

Начало этой касиды выдержано в духе афористических стихов ал-Мутанаббӣ:

من عزّ بزو عزّ الحرّ في ظلفه فأنما يسمب الهرماس من انفسه
اس على العلم ما يرجو ابنيته فالجهل ينقض ما يبني على جرفه

Тот, кто могуч – побеждает, а величие благородного в его хватке: ведь лев ощущает голод, [чуя добычу] своим носом. Он основал на знании то, что пожелал построить: ибо невежество [само] разрушает построенное на его [подмытом водой] берегу⁹⁶.
(л.586₇₋₈)

После прославления знатности и благородства ал-Ашрафа ал-Газзӣ упоминает, что покинул Багдад, “когда там стал господином невежда” (л.59а₃). Далее в двух местах упоминается лакаб имама (из других источников неизвестный): ал-Газзӣ именует его Хусайн Йамйин ал-Мулк Му’аййид ад-Дин (л.59а_{6,13}). А в основной части касиды проводится мысль о превосходстве духовного величия имама над светской властью:

اين الذي ملك الدنيا وضمّ بها مضى فما حمل الدنيا على كتفه

Где тот, кто имел во владении сей мир и дорожил им [сверх меры]? Он ушел и не смог унести его на своих плечах.
(л.596₁)

دامت مساميك للعليا فان علا بلا مساميك سهم طاش عن هدفه

Твое стремление к верховенству постоянно. Поистине, величие, [достигнутое] без твоего усилия, – это стрела, пролетевшая мимо цели.
(л.596₆)

Подобные мотивы звучат и в двух следующих касидах, посвященных ал-Ашрафу (лл. 596₈ – 61а₈, 61а₉ – 62а₁₆):

ايها العدو والعدور كبير والذي يشرح العدور قليل

О садр! Но ведь число садров велико, а таких, кто радовал бы сердца, мало!⁹⁷
(л.606₁₂)

بل على أنّ تاج عليك سام ومع التاج يحسن الاكليل
انّ سما فضلك المبين عن الوصف فقد يسح الحسام الصقيل
فاذا كنت فسوق كلّ دناء جاء في خاطر فماذا اقول

Однако, хотя и высока твоя корона,
 ей был бы приличен еще и венок [из стихов].
 Поистине, высоко твое достоинство, оно, очевидно, и не нуждается
 в описаниях, но ведь полируют и блестящий меч.
 А если ты выше любой похвалы, приходящей на ум,
 то что же могу я сказать еще?

(л.61a₆₋₈)

В рукописи Дивāна ал-Газзāи имеется именованный вариант касиды, начинающейся словами: **من عزيز و هز الحرفي ظله** (л.126a₁ - 126b₁₁).
 В ней ал-Ашрафу приписывается исключительное положение среди духовных лиц, подчеркивается его богатство:

قطب الامامة مدر الدين نائله بجاد الحلق مبذول و معترفه
 ابو المعالي اذا ناولته قلما ابو المعالي بما نقيض من صحفه
 فان ذكرت اسمه السبق من شرف تركبت الف التفضيل في شرفه
 جداه ليس يحتاج الى اخذ كالبحر ما مآءه في كف معترفه

Полус имамата, столп веры, ее дар,
 щедро отданный и неблагодарной твари и признающему его.
 Отец величия, когда ты приобрел его каламом,
 ты велик и в том, что перед ним на строках.
 Если ты вспомнишь его имя - "первенство в благородстве",
 [обнаружишь], что оно состоит из тысячи превосходных
 степеней в благородстве.
 Его дар не нуждается в том, чтобы быть взятым [откуда-либо]:
 подобно морю - ведь вода моря не в ладони зачерпнувшего из него.

(л.126a₁₄₋₁₇)

Другие имеющиеся в рукописи Дивāна стихи, посвященные ал-Ашрафу, приводятся без указания адресата в заглавии. Так, в касиде, помещенной на лл.153a₃ - 154a₉, адресат определен нами по упоминаниям ал-Ашрафа, титула саййида и обращения к нему как ко "льву Самарканда" (л.153a₁₆). В этих стихах говорится, в частности, о благосклонности эмира верующих (по всей вероятности, ал-Мустаршида) к нему (л.154a₁) и о его свидании с султаном:

فلقيت سلطان البرية مربيا عما لديك دقيقه و جليله

Затем ты встретил султана созданий, ясно сказав
 о том, что [есть] у тебя малого и великого.

(л.154a₅)

Ниже в той же касиде ал-Газзāи упоминает, что имаму ал-Ашрафу приходится вести борьбу с соперником, но не называет ни титула, ни имени последнего.

كسما باشراف و هو اشرف من شجافه و قرط كل سبع قبله

Клянусь Ашрафом, а он благороднее⁹⁸ того, кто встал ему
 поперек горла, и его речь первой достигает слуха каждого.

(л.153b₃)

То же лицо, по-видимому, в дальнейшем тексте именуется "завистником" (л.153б⁷), говорится о "кознях завистника" (л.153б⁹), качества которого не идут, разумеется, ни в какое сравнение с достоинствами восхваляемого:

ما كل من خطب الملى فحل ولا من طاول الجبل الاثم يطوله

Не каждый, кто претендует на славу, велик,
и тот, кто соперничает по высоте с горами, не тянется вверх.

(л.153б₁₀)

К тому же ал-Ашрафу, как мы предполагаем, обращается ал-Газзй с касидой без указания адресата, сохранившейся на лл.142б₄-143б₇ рукописи Дйвāна. В ее тексте поэт называет восхваляемого "имамом Востока", "место-пребыванию которого приносит Запад жалобу на бедность и нужду" (л.143а₁₆), в другом месте он именуется саййидом (л.142б₁₃), а его авторитет и влияние ал-Газзй характеризует так:

لوى السلطان و الملك استضاء برايك فلعلم لها سراجا

Знамя султана и малика освещается твоей мыслью;
Так пребывай же светильником для них обоих!

(л.143а₅)

Поскольку имя и лакаб имама-саййида здесь не упомянуты, идентификация адресата не может считаться абсолютно надежной: среди адресатов ал-Газзй есть саййиды Маджд ад-Дйн (см. лл.45а₁₁-46б₁), Хусайн аз-Зайнабй (лл.154а₁₀-155б₁₁) и другие, хотя к ал-Ашрафу скорее, чем к кому-либо другому, мог быть приложен эпитет имама Востока. Однако, даже если не учитывать упоминания этой касиды о связи ее адресата с султаном, встреча ал-Ашрафа с "султаном созданий" и беседа с ним вполне определенно, как мы видели, засвидетельствованы нашим автором в другом месте.

Таким образом, стихи ал-Газзй дают возможность представить фигуру имама ал-Ашрафа более полно, чем данные Ибн ал-Асйра. Самаркандский имам, по-видимому, опирался в своей деятельности не только на определенные круги населения города, но и на свои связи с султаном - сюзереном караханидского правителя Самарканда. Не исключено, что ал-Ашраф играл роль доверенного лица султана и контролировал по его поручению действия правителя¹⁰⁰, а выступление горожан, возглавленное имамом и раисом Самарканда, возникло с расчетом на поддержку Санджара. Последний, осуждая правителя Самарканда Мухаммада ибн Сулаймāна (Арслāн-хāна), в письме к духовенству и знати города отмечает, что Арслāн-хāн "оскорблял потомков пророка"¹⁰¹. Напомним также, что Санджар начал осаду Самарканда после казни ал-Ашрафа, несмотря на то что выступление горожан было подавлено самими караханидскими правителями, а духовенство города ходатайствовало о прекращении осады и заступалось за Мухаммада ибн Сулаймāна¹⁰².

Из панегириков другим духовным лицам в рукописи Дйвāна сохранилась касида в честь саййида 'Алй ибн Джа'фара ал-Мўсавй ат-Тармизй (лл.43б₁₂-45а₁). Эти стихи, а также стихи, посвященные эмиру саййиду Маджд ад-Дйну, написаны в Термезе. О положении восхваляемых лиц поэт не сообщает ничего определенного, но из текста видно, что термезские саййиды уже в это время пользовались большим влиянием¹⁰³, а могила святого в Термезе была "почитаемым мазаром" (л.45а₁₄₋₁₅).

В Дйвāне ал-Газзй мы не встречаем стихов, в заглавии которых имелось бы посвящение представителям династии Караханидов. Но текст одной касиды (лл.115б₅-116б₃) дает основание заключить, что она адресована упомянутому выше Мухаммаду ибн Сулаймāну. Вот что пишет ал-Газзй об этом правителе:

دعت خاقان السنة المعالي فلبين السنة المساعي
 رويك ما وراء الملك جد وما كل المراد استطاع
 جواذك لا تحل له حرام وسيفك لا يمل من القراع
 امير مؤمنين اليك ماد وكم خير ملا قدمين ساع
 ملأت الشرق من امن وعدل وما عرف التحاد في البقاع
 محمد المظفر . . . 104 منيل الشهب مقتنص المباع
 دعى بحسامه بعض البرايا ويات وميته للكل داعي

Призывали хаkana языки доблести,
 и на их зов откликнулись языки усердия.
 Помедли же с полюсами счастья вне владения:
 ведь не все желаемое возможно.
 Твоему скакуну не дозволено запретное,
 а твой меч не скучает по битве.
 Эмир верующих благосклонен к тебе,
 и сколько блага наполняют ступни посланца [с вестью об этом].
 Ты наполнил Восток безопасностью и справедливостью,
 и отныне неведома там зависть друг к другу из-за земель.
 Мухаммад ал-Музаффар¹⁰⁵ . . .
 получающий в дар звезды, падающие с неба, ловец диких зверей.
 Он опекает своим мечом некоторую часть сотворенных Аллахом,
 и его приказание стало обязательным для каждого опекающего.
 (л.116а4-10)

Прославление хаkana в этой касиде само по себе является достаточным основанием для отождествления адресата, ведь титул хаkana с 495/1102 г. носил Мухаммад ибн Сулайман и период его правления – 28 лет – много больше того времени, которое ал-Газзи провел в Хорасане и Мавераннахре. Упоминание его имени – Мухаммад – подтверждает такое отождествление.

В приведенных выше строках особенно любопытна характеристика внешней политики хаkana: восхваление его миролюбия как нельзя более соответствует позиции правительства Санджара, который хотел видеть в своем ставленнике Мухаммаде ибн Сулаймане¹⁰⁶ послушного и пассивного вассала. Не лишено интереса и сообщение ал-Газзи о внимании “эмира верующих” (скорее всего халифа ал-Мустаршида¹⁰⁷) к караханидскому владыке Самарканды. К сожалению, отсутствие сведений об этом в других источниках и неопределенность датировки препятствуют выяснению цели посольства с изъявлением благосклонности, упомянутого в стихах. Достаточно выразительной следует признать ссылку на то, что во владениях Мухаммада “неведома зависть” из-за земель. Как мы видели выше, мотив противопоставления “мирного” Востока, т.е. Хорасана и Мавераннахра, – Западу, т.е. Ираку, ставшему ареной междоусобной борьбы, и Сирии, находящейся под угрозой врагов – “безбожников”, не раз встречается в стихах ал-Газзи.

Из других материалов, заслуживающих, на наш взгляд, внимания исследователей, следует отметить касиды и стихотворные отрывки, посвященные Шарафу ад-Дину Абӯ-л-Хасану ‘Али ибн ал-Хасану ал-Байхақи. Судя по количеству стихов, адресованных ал-Байхақи¹⁰⁸, ал-Газзи был близок к этому саваннику. Поскольку в биографии Абӯ-л-Хасана ал-Байхақи в Словаре литераторов Йақӯта Шараф ад-Дин ал-Байхақи отождествлен с известным автором “Та’рих-и Байхақ” и других сочинений Абӯ-л-Хасаном ‘Али ибн Зайдом ал-Байхақи (Ибн Фундуком)¹⁰⁹, факты биографии обоих лиц требуют детального со-

поставления, что явилось сюжетом особой заметки автора этих строк¹¹⁰. Шараф ад-Дин ал-Байхақи, как это видно из стихов ал-Газзѣи, а также Хайса Байса¹¹¹, был покровителем поэтов и ученых, занимал высокий пост наба везира Санджара, однако сведений о его собственной литературной деятельности в источниках, в том числе в Дивāне ал-Газзѣи, нет.

Даже краткий обзор материалов рукописи Дивāна ал-Газзѣи представляется нам достаточным, чтобы прийти к выводу об их важности для восстановления некоторых событий начала XII в., а также для оценки того, как воспринимались эти события современниками. Дальнейшее обследование дивāнов поэтов сельджукского времени, антологии "Харидат ал-қаср" (в том числе особенно интересной для историков Средней Азии и Ирана неизданной до сих пор части, посвященной "поэтам ал-Аджама"), по нашему мнению, откроет возможность пополнить наши знания о политической обстановке во владениях Сельджукидов и о роли отдельных деятелей, а также об особенностях культурного развития различных стран и исторических областей в период сельджукского господства.

П р и м е ч а н и я

¹ См. издание сокращения этой книги: *Histoire des Seljoucides de l'Iraq par al-Bondāri d'après Imād ad-dīn al-Isfahānī. Texte arabe publié... par M.Th. Houtsma. Leide, 1889* (далее - ал-Исфāхāнӣ - ал-Бундāрӣ, изд. Хаутсма).

² وزارت در عهد سلاطین بزرگ سلجوقی از تاریخ تفکیک امین سلطه تا مرگ سلطان سنجر (۴۳۳ - ۵۵۲) تالیف عباس اقبال، ... تهران ۱۳۳۸ شمسی (далее - А.И.Хбāл. Визāрат).

³ K. Rippel. Über den Sturz Nizam-ul-mulks. — M.F. Köprülü Armaganı. Istanbul, 1953.

⁴ См.: Cl. Cahen. The Historiography of the Seljuqid period. — "Historians of the Middle East". Ed. B. Lewis and P.M. Holt. L., 1962.

⁵ Достаточно напомнить, что издание дивāна одного из крупнейших поэтов конца XI - начала XII в. ал-Абйвардӣ (Бейрут, 1317 г.х.) включает много стихов ал-Газзѣи, приписывая их автору, имя которого стоит в заглавии дивāна. В издании дивāна другого корифея поэзии сельджукского периода - ат-Тугра'ӣ (ал-Қустантинийя, 1300 г.х.) во многих именах отсутствуют диакритические точки (например, в имени сельджукского султана Баркийярука). Вместе с тем следует отметить несомненный прогресс в изучении поэзии XII в., связанный с изданием в последние два десятилетия ряда частей антологии "Харидат ал-қаср", критических текстов дивāнов Хайса Байса (1974) и ат-Тугра'и (1976):

⁶ 'Имād ад-Дин ал-Исфāхāнӣ называет ал-Газзѣи, ат-Тугра'ӣ, ал-Абйвардӣ и ал-Арраджāнӣ "четырьмя столпами" поэзии их эпохи, однако первое место среди упомянутых поэтов он отводит ат-Тугра'ӣ. См.: *خریدة العصر وجريدة العصر للعقاد* (الامنهانی الكاتب، قسم شعراء العام، الجزء الاول، عنى بتحقيق الدكتور فكري فميل دمشق، ۱۹۵۵، ص ۷۸ - ۷۷ (далее - Харидат ал-қаср, сирийск., ч. 1).

⁷ Ал-Газзѣи. Дивāн. Рук. Национальной библиотеки (Париж), араб.ф., № 3126, лл. 16¹⁶, 2а², 86⁹-17а¹² (далее ссылки на листы и строки указанной рукописи даны в тексте и в примечаниях без дополнительных упоминаний). О происхождении Абу Джа'фара из Аррана см. л.126¹⁵.

⁸ Ал-Газзѣи сообщает, в частности, о взятии войсками везира крепости Ру'йн-диз (близ Мараги). См. лл. 10а³-11а¹³.

⁹ См. лл. 306₇– 33а₁₁. В Дивāне эти стихи озаглавлены так: **وقال يهجو بنحو:**

Сказал, осмеивая некоего князя и упоминая свой спор

с ним". Объект сатиры упомянут в заглавии фрагментов из нее, приведенных в "Харидат ал-қаср" (сирийск., ч.1, с.18), где прямо говорится об осмеении ширваншаха. Имя ширваншаха прочтено нами в рукописи Дивāна (л.33а₅), там оно дано без диакритических точек – Фарибурз.

¹⁰ См.: ... **تأليف ابن الجوزي، المنتظم في تاريخ الملوك والامم، الجزء**

ابن الفرج عبدالرحمن بن علي بن محمد ابن الجوزي... حيدرآباد - دکن، ١٣٥٨، ص [ابن خلکان]، وفيات

الاعيان وانباء ابناء الزمان لابی عباس شمس الدين احمد بن محمد بن ابی بكر بن خلکان... حققه وعلق حواشی وصنع فهرسه محمد محی الدين عبد الحميد ...

٤٥ - ٤١، ص (далее – Ибн Халликан). Ибн Халликан пишет об ал-Газзѣ со ссылками на "Историю Багдада" [Ибн] ан-Наджжара и на Ибн 'Асакіра. Имад ад-Дин ал-Исфахани ссылается на книгу 'Абд ал-Карима ибн Мухаммада ибн Мансур ас-Сам'ани (автора "Китаб ал-ансаб") "ал-Музаййил ли та'рих мадинат ас-салам" (Харидат ал-қаср, сирийск., ч.1, с.32). Ас-Сам'ани, живший в Мерве, описался, как это видно из цитат Имад ад-Дина, на сообщения лиц, знавших поэта в Мерве и других городах.

¹¹ Сводка данных о биографии поэта имеется в кн.: **على جواد الطاهر، الشعر**

العربي في العراق وبلاد البجم في العصر السلجوقي، الجزء الاول، بغداد، ١٩٥٨، ص [العربي في العراق وبلاد البجم في العصر السلجوقي، الجزء الاول، بغداد، ١٩٥٨، ص ١٧٩ - ١٨٢] (далее – 'А. Д ж а в а д а т-Т а х и р. Аш-Ши'р).

¹² Ибн ал-Джауэи. Ал-Мунтазам, ч.10, с.15; Ибн Халликан, т.1, с.41.

¹³ Харидат ал-қаср, сирийск., ч.1, с.32.

¹⁴ См. об этом: 'А. Д ж а в а д а т-Т а х и р. Аш-Ши'р, ч.1, с.180.

¹⁵ Биографические сведения о Абӯ-л-Хасане 'Али ибн Мухаммаде ат-Табари (известном под прозвищем ал-Кийа ал-Хараси) см.: Ибн ал-Джауэи. Ал-Мунтазам, ч.9, с.167; Ибн Халликан, т.2, с.403 сл. Ибн Халликан, именуемый ат-Табари "вторым ал-Газзали", пишет, что ал-Газзѣ, состоявший "на его службе", составил поминальную касиду о нем, и цитирует ее со ссылкой на "Большую историю" Ибн 'Асакіра. См. также: Ibn-el-Athiri. Chronicon quod perfectissimum inscribitur. Ed. C.J.Tornberg. Vol. X. Lugduni Batavorum, 1864, с. 335-336 (далее – Ибн ал-Джауэи, изд. Торнберга).

¹⁶ Перечень известных рукописей Дивāна ал-Газзѣ см.: C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur. I. Weimar, 1898, с. 253; Supplementband, I, с. 448.

¹⁷ Харидат ал-қаср, сирийск., ч.1, с.3-75.

¹⁸ Это издание осталось недоступным нам. Всего в Дивāн ал-Абйварди включено двадцать касид ал-Газзѣ, на что впервые обратил внимание известный арабский филолог Мухаммад Бахджат (Ирак). См. журнал: **الزهرة، ١٣٤٥، ر. ٢، ص ٢٢٨ - ٢٤٥**. Автор книги об ал-Абйварди Мамдӯх Хакки насчитал в бейрутском издании Дивāна ал-Абйварди 1790 бейтов, принадлежащих ал-Газзѣ, и привел начальные строки касид и стихотворных отрывков (см.: **مدح حتى، الابوردي، مثل القرن الخامس في برلمان الفكر العربي (مسلة عمون التراث** **إيز-за этой путаницы возник, в частности, не-** **دسمن، ١٩٥٠، ص ١٢٨ - ١٢٢** **Исследовател** приписал ал-Абйварди фрагменты из касиды ал-Газзѣ в честь везира Қавәм

ад-Дйна Абу Насра Ахмада ибн Низам ал-Мулка (см.: 'А. И к б а л. Визарат, с.164-165).

19 К Парижской рукописи Дивана систематически обращается издатель сирийской части "Харидат ал-қаср" Шукри Файсал, отмечая разночтения рукописей "Харидат ал-қаср", с текстом Дивана.

20 См.: "Харидат ал-қаср", сирийск., ч.1, с.33, 34, 36 (со ссылками на Абу Са'да Абд ал-Карима ас-Сам'ани, поэта Ибн Ухувва и др.).

21 См.: Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей или четыре беседы. Пер. С.И.Баевского и З.Н.Ворожейкиной. М., 1963, с.40.

22 Р а ш и д . а д - Д и н В а т в а т . Х а д а ' и қ а с - с и х р - см. в кн.: رشيد الدين . وطواط ، ديوان ، تهران ، ۱۹۵۳ ، ص ۲۳۶ ، ۲۵۳ .

23 См.: И б н Х а л л и к а н , т.1, с.41.

24 Ряд наблюдений над особенностями языка и стиля поэтов сельджукского времени см.: 'А. Д ж а в а д а т - Т а х и р . Аш-Ши'р, ч.II, с.168-172 (с привлечением материалов творчества ал-Газзи).

25 Ближайший пример - объединение в антологии "Харидат ал-қаср" стихов поэтов Сирии и Палестины в части, посвященной поэтам аш-Шамма.

26 Ибн ал-Мутталиб занимал эту должность с муххаррама 501/22 августа-20 сентября 1107 до 503/ начало - 31 июля 1109 г. - вероятно, с перерывом. См.: И б н а л - А с и р , изд. Торнберга, т.X, с.335-336.

27 Кади Исфахана Шамс ад-Дин ал-Хатиб был убит исмаилитами в 502 г.; Абу-л-Хасан ат-Табарй умер в 504 г., халиф ал-Мустахир - в 512 г. Лишь один из багдадских адресатов ал-Газзи - катиб ал-инша' халифов Садид ад-Дин Ибн ал-Анбарй действовал позже 516/1122-23 г.

28 Деятелям этих стран посвящено значительное количество стихов (см. лл.86-156, 306 - 38а и др.).

29 В изданном тексте Дивана ат-Тугра' и поэтическая переписка с собратьями по перу представлена лишь одним небольшим посланием к ал-Аббвардй (см.: ۱۲۰۰ ، القسطنطينية ، ديوان ، الطغرائي ،). Приведен и ответ ал-Аббвардй (см. там же, с.86-87).

30 Му'аййид ад-Дин - один из лакабов ат-Тугра'й.

31 Об этих событиях см.: ал-Исфаканй - ал-Бундварй , изд. Хаутсма, с.133; И б н а л - Д ж а у з й . Ал-Мунтазам, т.9, с.217-218; И б н а л - А с и р , изд. Торнберга, т.X, с.395-396.

32 Ат-Тугра'й был снова обвинен в ереси и в колдовстве.

33 Ас-Сумайрамй был убит в Багдаде в сафаре 516/11 апреля - 9 мая 1122 г.

34 См. лл. 35а¹⁵ - 366¹². Рабб ад-Дин - сын известного везира и историка Абу Шуджа' ар-Рудраварй (ум. 1095). Упомянут лакаб Абу Шуджа' - Захир ад-Дин.

35 Жалобы на бедность встречаются в стихах нашего автора, но подобные мотивы слишком часты, чтобы на их основании определенно судить о достатке поэта.

36 خريدة القصر وجريدة العصر، تأليف عماد الدين الاصفهاني الكاتب القلم العراقي، الجزء الثاني، تحقيق محمد بهجة الاثرى، بغداد، ۱۳۸۱ هـ = ۱۹۶۴ م، ص ۶۶ (далее ссылки на это издание - ч.1 - 1У Харидат ал-қаср, иракск.). В тексте, приписанном Ибн Афлаху, имя Ануширвана восстановлено издателем, текст эпиграммы отличается от приводимого нами.

37 В стихах ал-Газзи - Ибн 'Убайдаллах, подобная замена обычна.

38 О его назначении на пост везира см.: И б н а л - А с и р , изд. Торнберга, т.X, с.385-386; сводка данных источников об этом везире в кн.: 'А. И к б а л. Визарат, с.243-248.

39 См. о нем: 'А. И к б а л. Виз̄арат, с.249.

40 Адресат касиды в ее заглавии не указан, он определен нами по упоминанию куньи везира (л.766₁₃) и его лакабов (л.766₁₆).

41 Текст этой эпиграммы повторяется в Див̄ане в измененном виде на л.96а. А.Икб̄ал в очерке об этом везире (Виз̄арат, с.252) отмечает только первую эпиграмму. Имя везира в рукописи Див̄ана искажено в обоих случаях.

42 А л-И с ф а х а н и й - а л-Б у н д а р и й, изд. Хаутсма, с.97.

43 Там же, с.116. Мух̄тас̄с ал-Мулк был подвергнут штрафу в 50 тыс.динаров, у него было конфисковано имущество, что, впрочем, по словам 'Има̄д ад-Дина, "не лишило его пути к богатству".

44 Там же, с.146,267. 'Има̄д ад-Дин сообщает, что ад-Дарказ̄ин̄ задумал убийство Мух̄тас̄с ал-Мулка, потому что "его порочность была очевидна при [сравнении] с достоинствами Аб̄у-л-Фадла" (т.е. Мух̄тас̄с ал-Мулка). Однако ниже 'Има̄д ад-Дин пишет о политических убийствах, вдохновителем которых был этот везир: они осуществлялись явно, с разрешения султана Мах̄м̄уда, и тайно, с помощью исмаилитов (см. там же, с.146, 147).

45 В заглавии касид их адресат назван лишь дважды (лл.48а, 124б), в остальных случаях он определен нами по упоминанию имени и лакаба.

46 ديوان امير الشعراء محمد بن عبد الملك نيشابوري متخلص به مزمى ... بسى
107 ديوان امير الشعراء محمد بن عبد الملك نيشابوري متخلص به مزمى ... بسى (далее - М у ' и з з и й. Див̄ан).

47 См. лл.946б-96а₇, 986б-100а₁₁, 100а₁₂-100б₃, 10265-1036₁₂, 1036₁₃-1046₂, 1166₄-1176₁₁, 133а₄-133б₉*, 135а₆-136а₃, 148а₁₄-150а₁*, 159б₁₁-160а₈. Стихи, помеченные значком*, не имеют посвящения в заглавии и определены нами по упоминаниям в тексте.

48 Ал-И с ф а х а н и й - а л-Б у н д а р и й, изд. Хаутсма, с.268.

49 Известно имя посла халифа к Санджару - это везир Шараф ад-Дин 'Али ибн Тира̄д аз-Зайнаб̄и. Ибн ал-Джаузи сообщает также о том, что послу Санджара были дарованы почетные одежды ('И б н а л-Д ж а у з и й. Ал-Мунтазам, т.10, с.8).

50 М у ' и з з и й, Див̄ан, с.3-4, 16-17 и далее по оглавлению.

51 См. там же, с.196-198 (панегирик Санджару в связи с взятием Газны), 198-199 (касида в честь победы Санджара при Савэ 13 джумада I 513 г.) и др.

52 Стихи Хай̄са Бай̄са см. в кн.: Хар̄идат ал-қаср, иракск., ч.1, с.315, см. также с.235, 237 и др. О восхвалении Санджара арабскими поэтами см. 'А. Д ж а в а д а т-Т а х и р. Аш-Ши'р, ч.II, с.49.

53 Часть строки неразборчива из-за пятна на рукописи.

54 Аб̄у-л-Харис - кунья султана Санджара.

55 Эта строка продолжает мысль предшествующей: ее слова относятся к тому, кто "подобен пророку".

56 Значение слова الربا см.: J.B. Belot. Vocabulaire arabe-français a l'usage des étudiants. Ed. 13. S.v. (с. 272).

57 В тексте слово محرم - "приступивший к совершению обряда пилигримства", "находящийся в состоянии ихрама", т.е. совершающий священное дело.

58 Т.е. "Библейскую страну" в широком смысле слова.

59 См.: И б н а л-А с и р, изд. Торнберга, т.X, с.339, где приведены слова послов Халеба с упреком султану по этому поводу.

60 Там же, с.339-340. Во главе войск, посланных султаном Мух̄аммадом против франков, был поставлен владетель Мосула Мауд̄уд, которому султан поручил опеку своего сына Мас'уда. О действиях войск султана и эмиров против франков см.:

там же, с.342-344, с.345-347, 350-351, 356-359. Неудачи военных сил мусульман объясняются не только обострением борьбы между владельцами отдельных городов и областей, но и отсутствием поддержки населения, не доверявшего войскам султана (см., например, с.357 об отказе жителей Халеба передать город военачальникам султана).

61 History of Damascus 363-655 a.h. by Ibn al-Qalānisi. Ed. by H.F. Amedroz. Leiden. 1908, с.187 (далее – Ибн ал-Қалāни си й, изд.Амедроза).

62 Об этом походе см.: Ибн ал-Джаузй. Ал-Мунтазам, т.9, с.205; Ибн ал-Қалāни си й, изд. Амедроза, с.202; Ибн эл-Асйр, изд.Торнберга, т.Х, с.387; ал-Исфахāни йи – ал-Бундār й, изд. Хаутсма (здесь поход датирован 512 г.); Му‘изз й. Дивāн, с.198.

63 Этот титул был принят Санджаром и признан его племянником сельджукским султаном Ирака Махмудом. См.: **مدرالدین ابو الحسن علی بن ناصر الحسینی، اخبار، النولة السلجوقية**, рук. Британского музея, № 550 (Stowe, Or., 7) (нам доступна фотокопия), л.50б (далее – Садра д-Дйн ал-Хусайнй, рук.).

64 Ибн ал-Асйр, изд. Торнберга, т.Х, с.388.

65 Там же.

66 О составе войск Санджара, в котором кроме пяти **маликов** были "тысячи батинитов" и тысячи "неверных тюрок", см.: Ибн ал-Джаузй. Ал-Мунтазам, ч.9, с.205.

67 В обращении к Санджару использован лакаб султана Му‘изз ад-Дйн – "Укрепляющий веру".

68 См. об этом: В.В. Бартольд. Халиф и султан – Сочинения, т.У1, с.31.

69 Эти стихи адресованы везиру султана Мухаммада ибн Маликшаха Дийа’ ал-Мулку Абӯ Насру Ахмаду (время его везирата – 500 – 505/1107 – 1112). Текст этого стиха в издании Дивāна ал-Абйвардй, цитированном и 'А.Иқбал м (Визрат, с.165) искажен:

بعاء الخلق للسلطان فريض لان الشرع وهو الماء نون

70 Следует отметить, что виднейшие представители политической мысли этой эпохи – Низām ал-Мулк и ал-Газālй избирали для изложения своих идей форму "княжеского зеркала" – собрания наставительных притч, таких, какие составляют знаменитые "Сийасат-нама" и "Насйхат ал-мулук".

71 Текст не прочитан нами из-за пятна в рукописи.

72 Возможно, касида написана под впечатлением возобновления отношений между Санджаром и халифом ал-Мустаршидом в 522/1128 г.

73 См.: Ибн ал-Джаузй. Ал-Мунтазам, ч.9, с.255-259, ч.10, с.2-6; Садра д-Дйн ал-Хусайнй, рук., лл. 50а, 55а и др.

74 Точки в некоторых буквах отсутствуют.

75 Слово нами не разобрано.

76 О значении слова "бурхāн" см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969, с.127. Главные значения: 1. Будда; 2. Вестник, посланник; 3. Идол. Что имеет в виду автор, говоря о "дне ал-Бурхāн", неясно. Возможно, речь идет о "дне идола" или "дне Будды" – каком-то языческом празднике. В этот день, как видно из текста, "отступник" уже потерпел поражение, после чего были сокрушены его союзники, по всей вероятности, – тюрки-идолопоклонники.

77 Баурāн или Бурāн, по нашему мнению, можно отождествить с упоминаемым у ас-Сам‘āни и Йақұта населенным пунктом в 5 фарсах от Бухары (он именуется также Фаурāн и Беррāн). См.: В.В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – Сочинения. Т.1., с.174. Однако полной уверенности в этой идентификации нет: Бурāн или Беррāн по ас-Сам‘āни и Йақұту – малозначительный город или селение.

78 Хадар-хāн по всей вероятности, передает имя Қадыр-хāн, имевшее значение титула среди караханидских правителей.

79 Т.е. Бурһан. Из текста видно, что речь идет о крепости.

80 См.: В.В. Бартольд. Туркестан..., с.381-382; O. Pritsak. Die Karachaniden. — "Der Islam". Т. XXXI, 1954, с. 50-51.

81 См. о нем: В.В. Бартольд. Туркестан..., с.381-384; O. Pritsak. Die Karachaniden, с. 50-51.

82 См. о нем: O. Pritsak. Die Karachaniden, с. 42, 49.

83 Там же.

84 Как, впрочем, и отождествление О.Притцака. Несколько позже титул Қадыр-хана носил сын хакана Арслан-хана — Ахмад (II), но он вряд ли мог быть известен нашему автору: его конфликт с Санджаром относится к 524 г., т.е. году смерти ал-Газзй.

85 См.: В.В. Бартольд. Туркестан..., с.382.

86 См.: ал-Исфакханий — ал-Бундари, изд. Хаутсма, с.262-263; Садрад-Дин аль-Хусайни, рук., л.516; Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т.Х, с.353-356; Му'иззй. Диван, с.196 и др.

87 Ал-Исфакханий — ал-Бундари, изд. Хаутсма, с.263-264.

88 См. выше, примеч. 66.

89 Здесь игра слов: мас'уд — "счастливый". Речь идет о племяннике Санджара Мас'уде ибн Мухаммаде, впоследствии сельджукском султани Ирака. После неудачной попытки завладеть престолом султана (см. выше, с. 30 и примеч.32) Мас'уд некоторое время находился при дворе своего брата султана Махмуда (см.: Ибн ал-Джаузи. Ал-Мунтазам, ч.9, с.252), а затем явился во владения Санджара. О междоусобной борьбе среди Сельджукидов в 20-х годах XII в. см.: М.А. Кймен. Büyük Selçuklu imparatorlugu tarihi. С. II. Ankara, 1954, с. 75-91, 117-129.

90 Харидат ал-каसर, иракск., ч.1, с.315.

91 Об отношениях между различными группами господствующего класса в Мавераннахре XI — начала XIII в. см. работу О.Г.Большакова о среднеазиатском городе в конце VIII — начале XIII в. в кн.: А.М. Беленицкий, И.Б. Бейн-тович, О.Г. Большаков. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с.348-351.

92 См.: O. Pritsak. Āl-i Burhān. — "Der Islam". Bd XXX.

93 Посвящение имаму саййиду ал-Ашрафу имеется в заглавии стихов лл.586₅-596₇, следующие за ними стихи озаглавлены **و نال بحب** (лл.596₈-61a₈ и 61a₉-62a₁₆). Заглавие с посвящением ал-Ашрафу имеют также два бейта на л.136a₁₆₋₁₇-136b₂. О стихах, адресованных ал-Ашрафу и не имеющих заглавия, см.ниже.

94 Изложение событий см.: В.В. Бартольд. Туркестан..., с.383.

95 См. л.586₅. Это упоминание свидетельствует о том, что составитель Дивана (сам ал-Газзй умер спустя год или более после казни ал-Ашрафа) знал обстоятельства гибели имама.

96 В противопоставлении "знания" "невежеству" можно усмотреть намек на превосходство авторитета имама над властью его противников — представителей светской администрации, в том числе самого караханидского правителя.

97 Здесь игра слов, основанная на двух значениях слова садр: 1. "грудь", "сердце"; 2. "глава", "столп".

98 Игра слов: Ашраф — имя имама и ашраф — имя превосходства от шариф — "знатный", "благородный".

99 Султан и малик в этих стихах — это, по всей вероятности, Санджар и Арслан-хан: с этими государями, собственно, и мог встречаться ал-Ашраф. Но поскольку идентификация адресата предположительна, нет уверенности и в данном отождествлении.

- 100 Известно, что основатель династии бухарских садров 'Абд ал-'Азиз ибн 'Умар был доверенным лицом Санджара. См.: O. Pritsak. *Al-i Burhān*, с. 86-87.
- 101 См.: В.В. Бартольд. Туркестан..., с.384 (со ссылкой на "Тексты").
- 102 Там же, с.384.
- 103 Для более позднего времени свидетельством авторитета термезских саййидов считается то, что хорезмшах Мухаммад (1200-1220) во время своего конфликта с багдадским халифом Насиром назначил термезского саййида 'Ала' ал-Мул-ка халифом. См.: В.В. Бартольд. Термез. - Сочинения. Т.III, М., 1965, с.506.
- 104 Два слова в рукописи неразборчивы.
- 105 Здесь ал-Музаффар не имя, а эпитет - "победоносный".
- 106 См.: O. Pritsak. *Die Karachaniden*, с. 50.
- 107 Его предшественник ал-Мустахир вряд ли может приниматься в расчет.
- 108 См.: лл. 836₉ - 846₁₆, 118а₆ - 1196₅, 1196₆ - 1206₅, 1206₆ - 1216₃ и др.
- 109 *The Irshād al-arīb ilā ma'rifat al-adīb or Dictionary of learned men of Yāqūt*. Ed. by D.S. Margoliouth. Vol. V, Leiden - London, 1911, (GMS, VI, 5), с. 208-218.
- 110 "О двух персонажах биографии Абū-л-Хасана ал-Байхаки в "Словаре литераторов" Йақута" (подготовлена к печати).
- 111 См.: Хари́дат ал-қаср, иракск., ч.1, с.278, 322.